

Володя Эрль. Его педантичность, упрямство, трепетность, честность, стойкость, последовательность и верность до последнего себе самому, своему горизонту, своим друзьям (живым и мертвым, пусть даже лично не знакомым, поскольку разминулись во времени, как, например, с Введенским, Хармсом, Вагиновым, Добычинным). Такой человек мог сформироваться, создаться из отчаяния и вопреки навязываемому государственному забвению и кривозеркальности только в контексте эпохи, ставшей уже историей, но в которой мне все-таки, наконец, посчастливилось (а не наоборот) жить, как в своей.

Даже на фоне весьма необычных людей из его, из нашей среды Эрль выделялся и мог показаться фигурой гротеска.

«Иностранство», загадочность, широкополая шляпа, длинный пиджак, длинные волосы, рыжие усы, обворожительная улыбка, модник вне моды.

Я подружилась с ним в августе 1991 года, и наше общение продлилось до моего отъезда в Иерусалим в марте 1993-го. Гуляли, ходили друг к другу домой, вечерами говорили по телефону, как бывало в те времена, иногда часами.

Эрль мне казался человеком вне быта, и меня поразило, когда однажды он тихо и быстро помыл всю посуду, стоявшую в моей раковине, пока я была с детьми в комнате. Этот трюк он проделал дважды. С моими девочками четырех и пяти лет он общался, не делая скидки на разницу в возрасте, — глубоко, серьезно, но и ласково, по-кошачьему. Однажды он подарил Соне свою любимую детскую игрушку, бюст обезьянки, которая спасала Соню от разных трудностей и была всегда рядом, пока уже в Иерусалиме не была случайно раздавлена во время игры, и сколько тогда было рыданий и слез по любимому Эрлику — дети так называли и Володю, и заодно — обезьянку.

Преданность Эрля избранным и единственно, на его взгляд, стоящим поэтам-писателям была абсолютной. Он напоминал смиренного, аскетичного, монотонного, безжалостного к себе (и к потенциальным оппонентам, извратителям текста) монаха, когда сверял их тексты, делал комментарии, рассказывал об их жизни. По сути, он жил для текстов других и сам был текстом.

В своем дневнике 90-х я нашла несколько записей о Володе. Перепишу здесь кусочки: «... он чувствует Хвостенко близким себе и говорит, что его нельзя измерять, как других. Вот есть много поэтов, а есть также явления, как Крученых.

На свадьбе Леона Богданова. Слева направо: Ирина Месс (жена Эрля), Владимир Эрль, Леон Богданов. Фото Валентина Петрунина

Тех, скажем, можно измерять по линейке или на вес, а его, скажем, на градусы. Это нечто иное, неписанное».

«Однажды Эрль дал мне замысловатый железный предмет и просил угадать, что это. После того, как я весь его обнюхала и чуть ли не попробовала на язык, он сказал мне, что это плевательница».

«А вообще он очень похож на ослика Иа-Иа. Я сказала ему об этом, на что он ответил: «Я всегда старался».

«Вечер Хвоста в ВТО: вначале Уфлянд читал стихотворения, Эрлик, назвав себя учеником Аронсона и Хвостенко (даже, — сказал, — Аронзон упрекал меня за хвостизмы), прочел два стихотворения. Мне понравились они. ... Эрлик, напившись, вчера вновь был, как прежде: вкрадчив и трепетен».

Мне грустно, что больше не вышло встретиться. В последние годы мы редко переписывались в чате. На фотографиях это был совсем другой человек, хотя и в этом образе была яркость и лица необщее выражение.